

Особенности десертного пения

Иллюстрация — 2001,
— 10 нояб. — с. 8

К юбилею Арта Гарфанкела

Помните, в 1992 году ехидный Курехин предлагал причислить друга своего, Гребенщикова, к лику святых, причем имя для него придумал, охальник, соответствующее — Борис Сладкопевец. Непонятно, насколько применимо определение это к русскому певцу, однако среди его заграничных коллег точно есть один господин, которого мы могли бы аттестовать именно что сладкопевцем, и притом без малейшей толики пошлости. Родившийся 60 лет назад Арт Гарфанкел в незабвенном дуэте своим исполнял роль прежде всего мелодическую, упрямая гармонией своего вокала корявую гениальность Пола Саймона — иными словами, пел, не жалея связок своих.

Дмитрий ОЛЫШАНСКИЙ

Гарфанкел родился в нью-йоркском Квинсе, и там же еще в несознательном возрасте познакомился с Саймоном — они сперва подружились, а затем приняли петь хором. В 1957 году после дебютной пластинки «Hey, School-girl!» школьники, называвшие себя тогда «Том и Джерри», сделали знамениты — однако ненадолго, потому как, будучи детьми сознательными, поступили в университеты и временно разбежались. Гарфанкел учился в Колумбии (стал в

итоге магистром математики) и во второй раз спелся с Саймоном в 1963 году — на сей раз они продержались вдвоем целых семь лет, записали энное число «любому молодцу известных», как выразился бы Веничка Ерофеев, шедевров вроде «Bridge Over Troubled Water» или «El Condor Pasa», много работали и многих, включая обитателей соцлагеря, впечатлили. Не жалко даже, что в 1970-м они разошлись окончательно, потому что еще не раз потом устраивали концерты типа «... лет спустя». В 1981 году в Центральном парке был самый шумный.

Скромные революционеры

Все-таки кажется, что Саймон и Гарфункель-Гарфанкел были не просто милыми эстрадными мальчиками, которые нежно на два голоса пели лирические песни. И что для 60-х они означали гораздо большее. Автор этих строк достаточно поздно, лишь в 90-е, увидел картину, которая считается символом прорыва контркультуры в кинематограф, — легендарно-го etc. «Беспечного ездока» Денниса

Хоппера про двух парней, которые носят длинные волосы, желают курить травку и вольно колесить по дорогам Америки на своих «Харлеях», а их за это ненавидят скоты-обыватели. «Ездока», снятый в 1969-м (уже после 1968-го!), оказался прямолинейным и устаревшим. А все потому, что незадолго до того я наконец-то посмотрел «Выпускника», сделанного до 1968-го — в 1967-м. Фильм Майка

Главнейшим метафизическим достижением дуэта Пола и Арта мы должны счесть нахождение ими той редкой, заведомо драгоценной гармонии звука и стиха, что каким-то чудом избавлена как от погружения ее создателей в деструктивный кошмар, так и от заползания их в область святого зарабатывания дензнаков, и только. На фоне разраставшейся ипохондрии Леннона, высокомерной глумливости Дилана, несносной агрессии «Роллинг Стоунз» (которые для середины шестидесятых вообще были сущие антихристы) и, уж конечно, разбойничьей решительности Моррисона (штаны расстегнем прямо на сцене) Саймон и Гарфанкел производили то, что советские литературоведы назвали бы «тихой лирикой» — попадание в ноты и наблюдение приличий в одном пакете. Собственно же Гарфанкел, в этом тандеме почти ничего не сочинявший, ухитрялся пресекать даже сугубо творческие попытки своего коллеги по-

куролесить. Например, как-то раз Саймон вздумал исполнить композицию с дивным названием «Куба — да! Никсон — нет!». «Как бы чего не вышло», — побеликовскиотреагировал Арт, и песня, к счастью, не сложилась. Таким образом, даже в разгар шестидесятых наш герой оказался полон здравомыслия и тем свое время опередил.

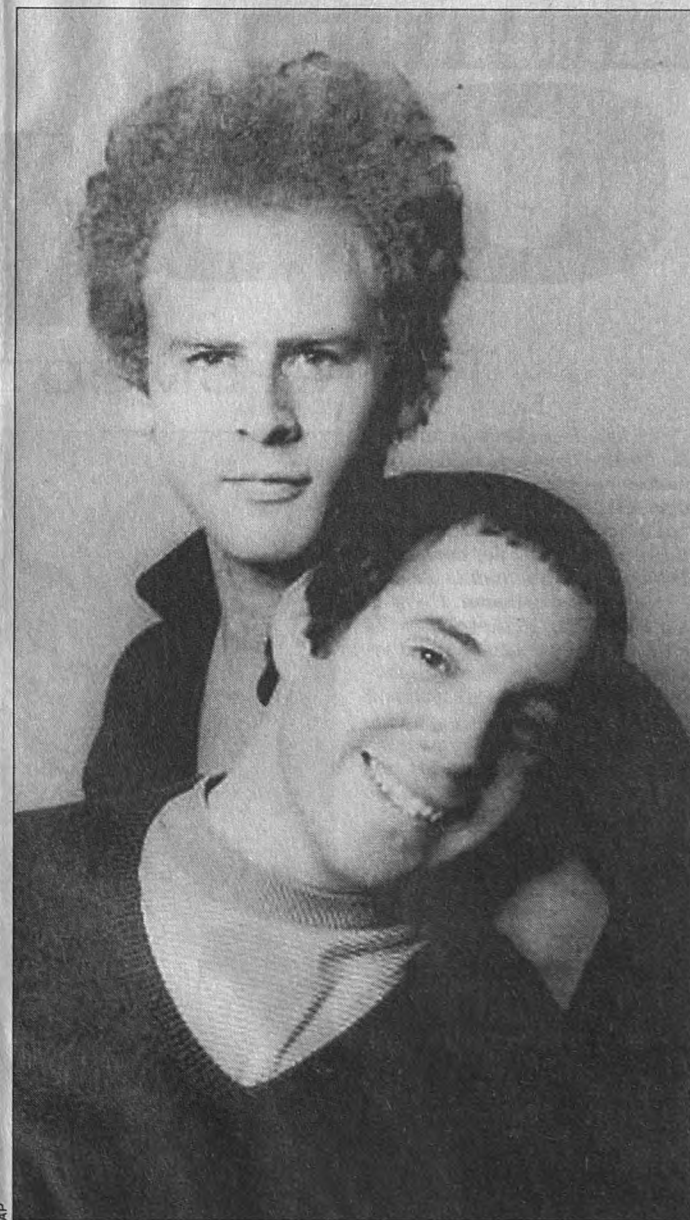
После того как соображения на двоих закончились, оставшийся в одиночестве Гарфанкел много снимался в кино (в частности, в экранизации «Уловки-22» Хеллера), но и музыку не оставил. Он выпускает пластинки раз в несколько лет, и постоянно гастролирует, навещая даже такие отдаленные от Нью-Йорка регионы, как Юго-Восточная Азия. Песня «Let It Be Me», записанная им вместе с Хулио Иглесиасом в 1994 году, сделалась хитом, а на новом, грядущем своем альбоме Гарфанкел обещает электронное звучание и прочие остросовременные, как ему кажется, инст-

руха (как у нынешних антиглобалистов), а скорее уход в искренний бессребреннический нонконформизм: я не хочу играть по установленным правилам, жить ради денег и пр. При чем тут Саймон с Гарфункелем? При том, что не было бы никакого «Выпускника», если бы не их там закадровые песни. Да, лирические. Но в своем — воспевающим молодость — лиризме вполне бунтарские. Это занятно: в ка-

рументальные обновления. Он даже издал книгу стихов и, вроде бы, пишет прозу. Однако важно во всей его нынешней Арт-деятельности отнюдь не то, что и без Саймона «младший компаньон» способен кое-что произвести.

Дело в том, что качественный уровень поп-музыки шестидесятых годов оказался настолько грандиозен, что даже казавшиеся тогда второстепенными, а сейчас престарелыми фигуранты той эпохи по определению не могут быть плохи. Однажды попав в область притяжения своей музыкальной молодости, они никогда уже не утратят недосыгаемой свежести и нетривиального величия — Арт Гарфанкел, равно как и другой незаметный поначалу музыкант и актер Ринго Старр, будут здесь идеальными и, к счастью, неугасающими примерами. И потому сладчайший певец Гарфанкел, празднующий в эти дни свое шестидесятилетие, вовек не сделается для русского слушателя излишним десертом.

Юрий ГЛАДИЛЬЩИКОВ

1966 год. Пол Саймон и Арт Гарфанкел — юные и нежные